

Пролог

Изображение Эмпайр-стейт-билдинг на экране сменяется Рокфеллер-центром. Голос за кадром объявляет выход Джимми Фэллона, и тот выбегает на площадку. Зрители вскакивают с мест, приветствуя его оглушительными аплодисментами, а он машет и улыбается в ответ.

— Добро пожаловать всем, кто сегодня здесь, и всем, кто смотрит нас из дома! — восклицает ведущий. — Как же тяжело возвращаться к работе после праздников, да? Уже середина января, но никогда не поздно поздравить... С Новым годом!

Засунув руку в карман, он бросает в воздух горсть конфетти.

Зал снова взрывается аплодисментами, Джимми кланяется и садится за стол.

— Пару недель назад мы объявили, что первым гостем «Вечернего шоу» в этом году станет один из самых продаваемых авторов страны. — Фэллон выдерживает паузу под овации публики, затем, повысив голос, с энтузиазмом продолжает: — Его последняя книга вышла два месяца назад. Уверен, что многие из вас обнаружили «Наследие звезд» под елкой в эти праздники. Итак, сегодня в прямом эфире у нас автор, перевернувший мир фэнтези своей сагой «Ярость звезд»! — Фэллон встает, вытягивает руку влево и громко объявляет: — Встречайте... Уильям Андерсон!

Не успевает он договорить, как зал взрывается оглушительными аплодисментами и криками. Восторг публики сливается в единый поток, создавая радостную и оживленную атмосферу.

Камера поворачивается влево — на площадке появляется мужчина. Уильям останавливается, чтобы поприветствовать зрителей и улыбнуться толпе, собравшейся ради него. На нем черный костюм и белая рубашка с расстегнутыми верхними пуговицами. Сама безупречность.

Ведущий подходит, и они дружески обнимаются. Затем Джимми возвращается на свое место, а гость садится по правую руку от него.

— Спасибо, что пришел.

— Это тебе спасибо за приглашение, — отвечает Уильям. Его хрипловатый голос звучит спокойно.

— В прошлый раз ты был у нас, чтобы представить свою четвертую книгу, «Пурпурное пламя». Спустя несколько месяцев она получила ряд наград, включая Всемирную премию фэнтези за лучший роман. Что чувствуешь после такого успеха?

— Ну... даже не знаю, что сказать. Прошло полтора года, а я все пытаюсь к этому привыкнуть.

Джимми кладет на стол последнюю книгу Андерсона:

— Сегодня ты здесь, чтобы рассказать нам о завершении саги. — На экране крупным планом «Наследие звезд». — Поздравляю!

Уильям благодарит его. Судя по широкой улыбке, автор доволен своим творением.

— Эта книга... — Джимми осторожно проводит рукой по корешку, — уже два месяца держится в списке бестселлеров «Нью-Йорк таймс». Только в США за первую неделю продали более семидесяти тысяч экземпляров.

Раздаются восторженные аплодисменты и возгласы, и ведущему приходится сделать паузу. Затем он на одном дыхании говорит:

— Твои романы переведены более чем на тридцать языков. Во всем мире продано двадцать миллионов экземпляров. Поздравляю, Уилл! Ты прощаешься с сагой на высокой ноте. — Фэллон дружески хлопает писателя по руке. — Как ты себя чувствуешь, глядя на эти цифры?

— Странно, — признается Андерсон после короткой паузы. — Я очень рад, финал получился эмоциональным, но все же мне грустно прощаться с героями. Рианнон поселилась у меня в голове, — он постукивает указательным пальцем по виску, — когда мне было семнадцать. — Его спокойный голос теплеет, в нем проскальзывает нотка ностальгии. — Сейчас мне тридцать, и я чувствую, что вырос и повзрослел вместе с ней. В каком-то смысле это больно — ведь приходится прощаться с хорошей подругой.

Из зала доносятся сочувственные вздохи. Приложив руку к груди, Андерсон благодарно смотрит в зал.

— Как поклонник саги, я могу лишь подтвердить то, что ты и так знаешь: это потрясающая работа. — Джимми снова поднимает книгу и показывает ее на камеру. — Мир, история... просто восхитительны. Пока я читал, все время задавался вопросом: как вообще можно такое придумать? — В его голосе звучит неподдельное восхищение. Положив книгу на стол, он продолжает: — Мне вот что интересно, Уилл: идеи к тебе просто приходят сами? Во сне? Или ты из будущего и уже знаешь, что ждет человечество через сто лет?

Публика смеется, а Уильям улыбается.

— Всего понемногу, — отвечает он. — Чаще всего вдохновение приходит, когда я бегаю... Признаюсь, лучшие идеи рождаются тогда, когда у меня нет под рукой блокнота. — Он достает телефон из внутреннего кармана пиджака. — Обычно я в панике хватаю мобильный и записываю все, что взбредет в голову, пока не забыл. — Он изображает, как торопливо печатает на телефоне, и публика снова смеется.

— Мне сказали, что ты только что приехал в Манхэттен...

Уильям кивает и бросает взгляд на часы.

— Приземлился три часа назад. У меня жесточайший джет-лаг. Кажется, я просто засну прямо здесь. — Он устраивается поудобнее на мягком темно-синем диване.

— Принести тебе подушку и одеяло? — спрашивает Джимми. Андерсон со смехом кивает.

На крупном плане видно, как он устал. Несмотря на грим, под глазами залегли легкие тени. Будто читая мысли зрителей, Уильям сдерживает зевок, и глаза его слегка увлажняются. Он пару раз встряхивает головой, и Джимми спрашивает:

— Откуда ты прилетел?

— Из Лондона. С «Фэнтези-кона» — европейского конвента фэнтези-литературы.

— Насколько я знаю, там ты рассказал фанатам одну забавную историю, связанную с Росхультом. — Джимми смеется. — Откуда вообще взялось это имя для злодея?

Уильям улыбается:

— «Росхульт» — это название тележки для хранения из «Икеи». Кстати, Соньесанд, Фрэдде, Экет... — перечисляя имена, он загибает большой, указательный и средний пальцы, — все злодеи в моей саге названы в честь шведской мебели.

Публика разве что не задыхается от смеха.

— Не верю! — восклицает Фэллон своим фирменным шутивым тоном. — Почему?

— Когда я поступил здесь в университет, мне нужно было обставить комнату. Я арендовал фургон и поехал в «Икею» в Бруклине. — Андерсон машет рукой вправо. — Купил все, что нужно, и отвез в квартиру. — Он делает паузу, посмеиваясь. — Собрать мебель было сущим кошмаром. — Гримаса ужаса вызывает новый взрыв смеха в зале. — Взялся за кровать около семи вечера, а закончил в два часа ночи. Помню, в какой-то момент физической агонии я просто застыл, глядя на слово, напечатанное на коробке: «Соньесанд». И тут меня осенило: одного из злодеев моей будущей книги будут звать именно так.

Публика взрывается хохотом, и сам Джимми долго не может унять смех.

— Ты ведь постоянно в турне с тех пор, как вышла книга, да?

— Да, кажется, я сделал перерыв только на праздники, чтобы побыть с семьей. — Уильям проводит рукой по лицу, прежде чем продолжить: — В первый раз такое длительное турне, но финал этого заслуживает. Это невероятное чувство — когда фанаты говорят, что им понравилась книга или что она помогла пережить трудный момент. Словами не описать. Я устал, но впервые побывал в чудесных местах вроде Чили и Перу и очень благодарен за это.

Ведущий кивает и, потянувшись, дружески хлопает его по руке.

— Не хочешь взять отпуск?

Покачав головой, Уильям твердо отвечает:

— Нет. На самом деле, я работал даже во время полета. Новая книга меня безумно вдохновляет.

— Новая книга? — Джимми повышает голос, хлопает в ладони и откидывается на спинку кресла.

Сенсация, которую только что выдал Уильям, производит эффект разорвавшейся бомбы, и ведущий тут же подхватывает:

— Вот это новость! — Взрыв аплодисментов заглушает его следующие слова. — Этот роман связан с сагой?

— Вряд ли мой редактор оценит, что я раскрыл вам карты раньше, чем ему.

— Подожди... то есть твой редактор еще ничего не знает? Хохот в зале похож на закадровый смех из старых ситкомов.

Вместо ответа Уильям просто пожимает плечами.

— Вернемся к твоему последнему роману. — Ведущий берет экземпляр обеими руками. — Тяжелее индейки на День благодарения. — Уильям смеется, а Джимми открывает книгу и листает ее. — Почти девятьсот страниц... похоже, тебе было что рассказать.

Положив книгу на стол, Джимми снова вытягивает правую руку и хлопает гостя по предплечью. Теплота между ними чувствуется даже через экран.

— Да, — уверенно отвечает Уильям. — Это финал саги, и с момента предыдущей книги прошло пять лет. Нужно было многое объяснить: что стало с героями, как изменилась их жизнь. В этом романе они гораздо взрослее. Это завершение приключений Рианнон и остальных, где они осознают цену каждого своего решения. Появляются новые интересы, персонажи, потери, битвы, чувства и... нет, на этом умолкаю.

Он смотрит на книгу и удовлетворенно улыбается. Видно, что он гордится своим творением. Не менее очевидно, что роман понравился и Джимми: он с заговорщицким видом делится своим любимым моментом.

— Эпизод с оазисом просто великолепен. Не мог оторваться! Больше ничего не скажу, а то меня потом ругают за спойлеры. Книга стала хитом, как и, уверен, следующие... А теперь, в завершение, сыграем в одну маленькую игру. — На лице ведущего появляется дьявольская улыбка. — Мы взяли несколько отзывов на твою книгу и выбрали самые забавные. Если хочешь, можешь комментировать.

Андерсон задумывается на мгновение и, понимая, что выхода нет, коротко отвечает:

— Ладно.

Джимми достает из конверта стопку карточек и, прочитав первую, смеется. Откашлявшись, он зачитывает:

— «Я хотел бы, чтобы Рианнон села мне на лицо, но нет... Книга просто упала, потому что я читал ее посреди ночи. Не мог остановиться, пока не закончил! Что теперь делать со своей жизнью?»

Публика хохочет, а Уильям отвечает едва заметной улыбкой. Несколько секунд спустя Джимми переходит к следующей карточке:

— «Мечтаю, чтобы Росхульт меня похитил. Этот злодей — просто пальчики оближешь. Между ним и Рианнон все так бурлит, что у меня аж очки запотели. Уилл, когда будет альтернативная концовка, где они вместе?»

Писатель моргает, удивленно приподнимая брови.

— Что ж, рад, что вам так понравился Росхульт, он и правда харизматичный, но им с Рианнон не по пути, — говорит он, нахмурившись.

— О, а вот парочка любопытных, — продолжает Джимми. — «Знаете это выражение “Дело не в тебе, а во мне”? Так вот, с этой книгой наоборот. Дело не во мне — эта книга ужасна».

Закатив глаза, Уильям тяжело вздыхает. Ведущий, довольный реакцией, продолжает:

— «Я молча страдал, читая эту книгу, — прямо как с геморроем».

Зал хохочет, а писатель ошеломленно вскидывает брови.

— Вау... — произносит он. — Вот это комплимент! Спасибо! Джимми берет другую карточку.

— Переходим к следующей. Тут у нас про романтику, — предупреждает он, сдерживая смех. — «У Андерсона столько же эмоциональной глубины в любовных сценах, сколько у вялого сельдерея».

— Ну хоть «сельдерея», а не «кинза». Вот это было бы уже оскорбительно, — шутит Уильям.

— Тут не поспоришь, — соглашается ведущий, скривившись. — А вот эта просто отличная. — Он делает паузу, глядя на гостя. — «Что может быть хуже, чем читать постельные сцены в этом романе? Слушать аудиокнигу. Уже бегу покупать!»

— Что ж, спасибо, что купили мою книгу дважды. — Уильям поднимает большой палец перед камерой. Его тон становится чуть язвительнее.

— «Если у тебя есть хоть капля здравого смысла, тебе это не понравится, — продолжает читать Джимми. — Главный

герой будто сбежал из “Флинтстоунов”. Книга отдает нафталином...»

Джимми не успевает закончить фразу — Уильям берет книгу со стола, подносит к носу и глубоко вдыхает:

— А по мне, так пахнет успехом и списком бестселлеров «Нью-Йорк таймс».

На его лице читается самодовольство — он знает, что удачно сострил. Публика смеется, но Уильям остается невозмутим. Кажется, чем громче хохочет зал, тем серьезнее он становится.

— А вот это просто прекрасно... — Джимми с трудом сдерживает смех, давая понять, что следующая рецензия будет жесткой: — «Инструкция к духовке возбудила меня сильнее, чем сцены для взрослых в этой книге».

Уильям презрительно фыркает и пожимает плечами.

— Ну и что тут скажешь? — В его голосе звучит насмешка, а лицо лучится надменностью. — Не все умеют наслаждаться хорошей книгой. Кто-то не может без картинок.

— Ай! — Джимми театральнo морщится, будто от пощечины, и берет оставшуюся карточку. — Ну а теперь последняя: «Сразу видно, что писал мужчина, который понятия не имеет о любви. У него, наверное, сердце холоднее, чем у белых ходоков».

По мере того как ведущий читает, в глазах Уильяма загорается раздраженный огонек. Под нарастающий смех публики его улыбка постепенно угасает — пока не исчезает вовсе.

— Что-что? — Он хлопает обеими руками по коленям. — Надо же, сколько вокруг экспертов по любви, а в итоге сами себя выставляют идиотами. — Ирония стирает с лица остатки дружелюбия. Уилл возмущенно продолжает: — В жизни не сочинили ни строчки, а считают, что знают больше, чем признанный автор! Следующая моя книга заставит их заткнуться. — Он качает головой и цокает языком. — Скажу прямо: новый роман поднимет меня на вершину жанра любовной прозы. Возможно, даже... — Он сжимает губы, затем решительно восклицает: — Нет,

не «возможно» — моя новая книга точно превзойдет творчество Даниэлы Стил!

В студии повисает гробовая тишина. Даже Джимми выглядит ошеломленным.

— Ну же, Уилл, не горячись, — говорит он примиряющим тоном, откладывая карточки на стол. — Это всего лишь отзывы. Забавные, надо признать, но это просто чужие мнения. К тому же все мы знаем, что никто не способен превзойти «золотой треугольник» любовного жанра — Даниэлу Стил, Нору Робертс и Николаса Спаркса.

Андерсон раздраженно фыркает.

Атмосфера резко леденеет — ни следа от прежней легкости и дружелюбия. Ведущий поспешно переводит разговор на другую тему: нельзя, чтобы настроение окончательно упало и зрители переключили канал. Задав Уильяму еще пару вопросов о книге, он желает ему удачи и прощается, переходя к рекламной паузе.

1

СТАЖЕР (сущ.). Человек, который набирается опыта, разгребая чужой хлам.

— Боже мой! Да он полный идиот! — воскликнула я, указывая на телевизор.

— И правда, — согласилась Судзу.

— Он что, серьезно верит, будто его книга превзойдет романы Даниэлы Стил? — Фыркнув, я покачала головой. — За кого он вообще себя принимает?

— Тс-с! — Грейс прибавила громкость именно в тот момент, когда Джимми желал Уильяму удачи с новой книгой и объявлял рекламную паузу.

Мы не сводили глаз с экрана, пока Андерсон не ушел со съемочной площадки. Потом Грейс выключила телевизор.

Упершись ладонями в покрытый ковром пол гостиной, я обернулась налево, чтобы убедиться, что мои соседки по квартире тоже в шоке.

Судзу и Грейс сидели на диване за журнальным столиком с остатками нашего ужина. По давно сложившейся традиции, каждое воскресенье мы заказывали еду и вместе смотрели телевизор.

Во второй раз за вечер Грейс похлопала по нашему ужасно неудобному дивану, приглашая меня сесть рядом, но я снова покачала головой. Мне больше нравилось сидеть на полу — оттуда открывался прямой доступ к роллам с лососем и авокадо.

— Соцсети полыхают, — сказала Судзу, листая экран телефона. — Люди уже пишут, что ни за что не купят его новую книгу.

— Неудивительно, — отозвалась я. — Он же фактически выставил читателей идиотами с этим своим «Не все умеют наслаждаться хорошей книгой». — Я попыталась изобразить Уильяма, но вместо его спокойного, размеренного тона получился какой-то визг. Слишком уж я была возмущена.

Грейс прыснула со смеху:

— Да, это прозвучало довольно снисходительно, но было забавно наблюдать, как он сам себя доводит до белого каления.

— А как насчет того, что он понюхал книгу? Совсем уже крыша поехала. — Судзу подняла глаза от телефона, сдерживая смех. Я тоже не выдержала и рассмеялась. Это точно скоро станет мемом. — Ну правда, он драматичнее самой Грейс.

Схватив розовую подушку, подруга стукнула Судзу.

— Он просто возомнил себя гением, потому что его годами перевозносили до небес, — заявила я.

— Ну... он и правда своего рода гений, — перебила Судзу, наклонившись за гёдза с курицей. — Два месяца в мировом турне, а уже на подходе новая книга. Кто вообще на такое способен? — Сунув гёдза в рот, она указала на меня палочками, ожидая ответа.

— Тот, чью книгу теперь никто не захочет покупать, — напомнила я.

— Рэйчел, одно другому не мешает, — сказала Грейс. — Согласна, он вел себя как пятилетка в истерике, но признай: кое-какие ответы были остроумными. И вообще, благодаря ему мы хотя бы...

— ...смеялись до слез, — закончила Грейс. Я кивнула: это правда, мы разве что по полу не катались. — К тому же на такие шоу не зовут кого попало.

Я фыркнула.

Действительно, писателей в «Вечернее шоу» почти никогда не приглашают — обычно это вотчина актеров и певцов. Но у меня была своя теория, которой я тут же поделилась с подругами:

— Просто он молодой и симпатичный.

— И талантливый, — добавила Грейс.

— И успешный, — подхватила Судзу. — Он всем нравится. Поэтому он один из самых продаваемых авторов.

— Есть писатели, которые продаются лучше, но на телевидение их не зовут, — покачала я головой. — Честно, если бы он не вписывался в стандарты, в этом кресле сидел бы кто-то другой.

— Ты просто до сих пор обижена на ту историю на автограф-сессии, — заметила Грейс. Чего и следовало ожидать: ей нравилось припоминать самые позорные эпизоды моей жизни. — Но мы-то знаем, что в глубине души ты его обожаешь и хранишь книги под кроватью.

— Во-первых, я не прячу его книги под кроватью, они стоят у меня на полке, — парировала я. — А во-вторых, как можно восхищаться человеком, который упустил шанс прорекламировать свою книгу перед миллионами зрителей из-за уязвленного самолюбия?

— А его фото наверняка приклеено к дверце шкафа, — встала Судзу, продолжая издеваться.

— Да, конечно, целый постер, — съязвила я, не удержавшись от смеха, и мы все расхохотались. — А теперь давайте о главном, — я посерьезнела. — Этот тип заявил, что его книга превзойдет романы Даниэлы Стил.

На несколько мгновений повисла тишина.

— Ты ведь понимаешь, что это значит? — Грейс посмотрела прямо на меня.

— Да, — ответила я. Еще бы.

— Это значит, что мы в полной заднице, — мрачно констатировала Грейс, — и завтра нас ждет худший понедельник в жизни.

Вместо ответа я, не жуя, проглотила еще один ролл.

— Это проблема Дэвида, а не ваша, — заметила Судзу.

— Тебе легко говорить, твоя начальница — ангел во плоти! — воскликнула Грейс.

Все мы были сотрудниками «Эвермор Паблишерс», одного из крупнейших издательств США. Судзу — литературный агент по правам, а ее начальница Минди и правда воплощенная добродетель.

Мы с Грейс работали в редакции, и вот нам с начальством не повезло.

— Я просто напоминаю, — решительно добавила Судзу, — что ответственность за слова Уильяма лежит на нем самом. Ну и на Дэвиде, раз уж он его редактор.

Да.

Наш начальник был редактором Уильяма Андерсона — того самого писателя, который только что выставил себя посмешищем в прямом эфире.

— Все проблемы Дэвида в итоге сыплются на нас, — пробормотала я.

— Не переживай пока, — сказала Грейс. — Уильям — крупный автор. Думаю, разруливать это будет сам Дэвид. А если тебя привлекут, это даже может сыграть тебе на руку в плане повышения.

Она была права.

В отличие от Грейс, которая уже несколько лет была старшим редактором, я задержалась в младших. До повышения мне оставался как минимум год, но это не помешало мне в прошлую

пятницу отправить Дэвиду заявку на вакансию, которая освободится через три месяца.

— Не хочу сыпать соль на рану, но завтра официально самый депрессивный день в году*, — сообщила Судзу. — Это единственное, что сейчас в трендах, наряду с фиаско Уильяма. Кстати, он уже завирусился. Везде. — Она повернула телефон, показывая нам свежий мем, и мы рассмеялись.

Вечер завершился тем, что мы доели японскую еду, а потом втроем читали комментарии в твиттере, пока у нас не закончились силы смеяться.

* * *

В воздухе витали тревога и напряжение. Руководство проводило «экстренное совещание», чтобы оценить, какой ущерб издательству могли нанести заявления Уильяма. Грейс, Судзу и я узнали об этом, стоя в очереди в «Старбакс», — Судзу получила сообщение от Джаредда из отдела маркетинга.

Я и так знала, что понедельник будет бурным, поэтому заранее сделала то единственное, что могло хоть как-то спасти день: надела новое платье, чтобы чувствовать себя красивой, и добавила в кофе лишнюю порцию сиропа.

Когда мы с Грейс вышли из лифта на двадцать третьем этаже, договорившись увидеться с Судзу на кухне, нас встретило нервное, но приветливое «доброе утро» от Алана, нашего администратора. За его стойкой крупными буквами красовалась надпись «Эвермор Паблишерс», а по периметру объемной вывески были выставлены бестселлеры издательства: вся сага Уильяма и несколько любовных романов, над которыми я работала в прошлом году.

* Третий понедельник января традиционно считается самым депрессивным днем в году.

К моему удивлению, отдел маркетинга в полном составе был уже на месте. Поздоровавшись, мы с Грейс направились к нашим столам в самом конце. Офис был просторный, открытого типа, с белыми стенами и столами, огромными окнами и легким налетом стерильности.

Как обычно, мы пришли раньше всех из нашей команды. По понедельникам мы всегда появлялись на полчаса раньше, чтобы спокойно позавтракать. Одно из достоинств американской корпоративной культуры заключается в том, что каждое утро кухня ломилась от фруктов, печенья, хлопьев, ароматизированной воды и сока. Единственным слабым местом был кофе. Никто не пил тот, что из автомата: из него лилась мутная бурда с таким запахом, что все шутили, будто ее наливают прямо из унитаза.

Я поставила сумку на стул, кофе — на стол, а промокшие шапку и пальто повесила на вешалку. Сквозь шум дождя до меня доносился шепот сотрудников маркетинга. Достав из сумки ноутбук, ежедневник и блокнот, я разложила все на столе, пока ждала, когда Грейс будет готова.

Через несколько минут мы встретились с Судзу на кухне. Я схватила печенье с шоколадной крошкой из корзины на столешнице и положила его на зеленую мраморную стойку рядом с рабочим телефоном.

— Джаред сказал, что боссы заседают уже два часа, — прошептала Судзу, хотя кроме нас никого не было. — Маркетинг и пиар получили письмо еще вчера вечером, им пришлось прийти к семи утра. А потом у них будет еще одно совещание, чтобы придумать, как разрулить весь этот бардак и обелить имидж Уильяма.

Грейс была права: день обещал быть бесконечным, а уныние стало лейтмотивом понедельника.

Я отвела взгляд и тяжело вздохнула, отпив глоток карамельного маккиато. Здорово, что я заказала двойную порцию сливок и карамели.

— Как думаете, Дэвид там сейчас обливается потом? — тихо спросила Грейс.

— Еще бы, — так же вполголоса ответила я.

— В общем-то заслуженно. Хотя в этот раз он и ни при чем, это не значит, что... — Судзу не успела закончить: на экране моего телефона высветился входящий звонок.

Внутри все сжалось.

Он же на совещании, как он может мне звонить?

— Доброе утро, Дэвид, — ответила я. На меня тут же уставились две пары глаз.

— Рэйчел. Ко мне в кабинет. Сейчас же, — как всегда требовательно скомандовал он.

Я даже не успела сказать «уже иду», как он сбросил вызов.

Сунув телефон в карман розового, как жевательная резинка, пиджака, я подняла глаза на подруг:

— Пожелайте мне удачи.

А затем вышла из кухни.

Забрав ноутбук с рабочего стола, я направилась в кабинет Дэвида. Бежать я не стала, чтобы каблучки сильно не цокали, но скорость развила приличную.

Подойдя к кабинету, я дважды глубоко вдохнула, пытаюсь хоть немного успокоиться. Постучала костяшками пальцев и открыла дверь, услышав его «входи».

Мой начальник сидел за столом и выглядел еще серьезнее, чем обычно.

— Доброе утро, Дэвид.

Он жестом предложил мне занять одно из свободных кресел напротив. Я послушно села, оставив кофе и ноутбук на краю стола.

Его кабинет можно было описать одним словом — безликий. В такие пасмурные дни особенно остро ощущались холод и пустота белых стен. Никакого декора. Единственное, что привлекало внимание, — огромное окно за спиной Дэвида, из которого открывался вид на манхэттенские небоскребы под

густым серым небом. Погода в этот понедельник, кажется, вознамерилась оправдать его звание самого депрессивного дня в году, подарив нам настоящий ливень.

— Только что закончилось экстренное совещание, — раздраженно бросил Дэвид вместо приветствия. — Ты, как и все, наверняка смотрела вчера шоу Джимми Фэллона. — Я молча кивнула, и он продолжил: — Будешь работать со мной над новой книгой Уильяма.

«Надеюсь, он шутит».

— Что? — переспросила я, подумав, что ослышалась.

Снова работать с ним — теперь, когда я уже вела собственные проекты, — означало опять пахать в поте лица, чтобы все лавры достались ему.

— Ты ведь хотела больше ответственности, так что с сегодняшнего дня займешься редактированием романтической линии его романа. После такого фиаско эта книга должна быть безупречной. Не уверен, что ты осознаешь всю серьезность ситуации, — кисло добавил он. Конечно, осознавала. Он же в национальном эфире фактически назвал читателей идиотами. — Все в ярости, и никто не хочет покупать его книгу. Если к нему пропадет доверие как к автору, нас ждут миллионные убытки. Думаю, не нужно напоминать, что он один из наших самых прибыльных писателей.

— Я знаю.

Это было очевидно. Его лицо мелькало везде — на баннере сайта издательства, в витрине книжного на углу, даже в метро.

Пока мы молчали, мне невольно вспомнился один из самых унижительных моментов моей карьеры. Несколько месяцев назад, закончив читать рукопись «Наследия звезд», последней книги Уильяма, я предложила Дэвиду пересмотреть романтическую линию — она была слабой. Ответ начальника не заставил себя ждать: «Ты вообще понимаешь, кто такой Уильям Андерсон? Он ни запятой не разрешает трогать. А ты вообразила, будто он примет правки к любовной линии, да еще

от сотрудницы такого ранга?» Я хотела возразить, но он остановил меня взмахом руки, отказываясь выслушивать какие-либо предложения.

И вот теперь все мысли были только об этом. Если соглашусь снова стать его помощницей, впереди меня ждут месяцы головной боли. Работать с Уильямом — все равно что разговаривать со стеной. Он никогда не примет мои замечания. А если все-таки случится чудо и он прислушается ко мне, весь триумф достанется моему боссу. Хотя, похоже, выбора у меня нет.

Дэвид, по-видимому, уловил ход моих мыслей и тут же вмешался:

— Знаю, задача непростая, но я подумал о тебе, потому что в прошлом квартале ты показала отличные результаты в редакции романтических эпизодов.

Я уже собиралась поблагодарить Дэвида, но он все испортил следующей фразой:

— Мне все это чуждо, чувства — это женская территория, так что этим займешься ты. — Он отмахнулся с видом человека, желающего поскорее избавиться от всего, что связано с эмоциями.

Я онемела от возмущения. Неужели в двадцать первом веке кто-то еще мыслит подобными категориями?

— И, пожалуйста, воспринимай это не как понижение, а как шанс проявить себя, — продолжил Дэвид. — Уильям — важный автор, и, если ты вытянешь этот проект, перед тобой откроется дорога к повышению.

«Что?»

— Я пока не ответил на твое пятничное письмо. Ты ведь хочешь занять место Элизабет? — Его взгляд стал жестче, и я кивнула. — Мы оба понимаем, что тебе не хватает опыта для должности старшего редактора, но, если сможешь доказать, что эта работа тебе по плечу, место за тобой, обещаю. И я верю в успех, поэтому лично предложу Линде на сегодняшнем совещании начать процесс оформления твоей грин-карты.

Я невольно подняла брови, и это было огромной ошибкой: Дэвид заметил, как в моих глазах буквально вспыхнули золотые звезды. На моем лице был написан такой восторг, будто я только что выиграла миллион долларов в казино «Белладжио».

Это не просто работа мечты — он фактически преподносил мне на блюдечке постоянный вид на жительство в США!

Четыре года назад я приехала сюда по студенческой визе, а затем получила рабочую, так что мое пребывание в стране всегда зависело от визы, а она, в свою очередь, от компании. Потеряв работу, я должна буду вернуться в Испанию — если только у меня не будет грин-карты.

Процесс получения постоянного вида на жительство мог растянуться на два года. Моя рабочая виза действовала три, и один год уже прошел. Значит, в перспективе у меня было два варианта: либо мне продлят визу еще на три года — предел, разрешенный законом, — либо компания согласится спонсировать мою грин-карту.

Когда я впервые услышала выражение «спонсировать визу», на ум сразу пришли спонсоры из «Голодных игр». Впрочем, в текущих обстоятельствах я вполне могла представить себя в роли Китнисс у входа на арену — только сражаться не на жизнь, а на смерть мне предстояло не с другими трибутами, а с писателем, чье самолюбие было размером с айсберг, потопивший «Титаник».

Битва будет нелегкой, но такой шанс нельзя было упустить.

Я все силы положила на развитие своей карьеры, и никакой небожитель не встанет у меня на пути.

Я выполню задачу, спасу книгу, Дэвид и Линда будут довольны, я получу должность и грин-карту — и точка.

— Обычно все общение с Уильямом происходит по почте, — продолжал Дэвид. — Он почти все время живет в Кармел-уморя, так что лично вы едва ли встретитесь. — Мой начальник не отрывался от клавиатуры. — Я уже отправил ему письмо, объяснив ситуацию. Сейчас пошлю еще одно и поставлю тебя

в копию, чтобы вы работали напрямую. Я же могу на тебя рассчитывать, Рэйчел?

Я твердо кивнула и подавила намек на улыбку. Я и так уже дала понять, как меня соблазнила перспектива должности и вида на жительство. Чуть больше восторга — и Дэвид навесит на меня еще парочку проектов.

— Знал, что ты умная девочка, — произнес он привычным снисходительным тоном. Затем снял трубку и позвонил своей ассистентке: — Ава, свяжись с отделом кадров и скажи, чтобы убрали с сайта объявление о вакансии редактора. Потому что... — он сделал паузу и посмотрел на меня поверх очков, — пока что нам не нужно закрывать эту позицию.

«Пока что?»

Два слова — скрытое предупреждение.

Я не успела ничего ответить, потому что дверь кабинета распахнулась настежь, ударившись о стену, и внутрь вошел мужчина с мрачным лицом.

Ну конечно.

Уильям Андерсон был из тех, кто всегда заходит без стука, будто к себе домой.

— Дэвид! Что за гребаное письмо ты... — Он осекся, заметив, что начальник не один.

Мое присутствие застало Уильяма врасплох.

Аналогично. Я вовсе не ожидала столкнуться с ним. Авторы его калибра обычно пользовались переговорными на последнем этаже и ни с кем из нас даже не пересекались. Привилегии звездного статуса.

— Доброе утро, Уильям, — произнес Дэвид, вскакивая с места, и я по инерции последовала его примеру. Поразительно, как быстро мой начальник умел переключаться с раздражения на любезность в зависимости от собеседника. — Это Рэйчел Гарсиа, твой новый ассистент редактора. — Он указал на меня.

«Горячая картошка, лови!»

— Доброе утро, мистер Андерсон. — Шагнув вперед, я протянула ему руку.

Отвернувшись от Дэвида, он окинул меня взглядом сверху вниз — от корней волос до туфель из «Зары», задержавшись на подвеске в форме сердца. Все произошло так быстро, что я даже не поняла, не померещилось ли мне.

Уильям на мгновение уставился на мою протянутую ладонь и сделал глубокий вдох.

«Он что, реально раздумывает, пожать ли руку?»

Секунды, которые понадобились ему, чтобы наконец шагнуть вперед и ответить на рукопожатие, тянулись мучительно долго. Кожа у него была мягкая, пальцы — длинные.

— Доброе утро, мисс Гарсиа, — процедил он сквозь зубы. Казалось, произнести это спокойно стоило ему немалых усилий. Отпустив мою руку, он повернулся к моему боссу. — Дэвид, я не понимаю, к чему это письмо. Ты же знаешь, я работаю один.

Его голос звучал более хрипло, чем по телевизору. А от его размеренной, типично калифорнийской манеры говорить у меня по коже пробежали мурашки. Но, несмотря на внешнюю невозмутимость, чувствовалось, что его терпение на исходе.

— Уилл, может, присядешь? — Дэвид указал на свободный стул. — Я как раз объяснял Рэйчел, как мы будем работать дальше.

Уильям провел рукой по лицу, и я заметила капли дождя, блестящие на его волосах и светло-бежевом пиджаке. Он попытался стряхнуть их с ткани, но лучше не стало.

Дэвид протянул ему салфетку. Тяжело вздохнув, Уильям взял ее без лишних церемоний, промокнул лицо, скомкал бумагу и метко швырнул в урну.

В жизни он был выше, чем казался на экране, — что-то около метра девяноста. Несмотря на мои сто семьдесят два и каблуки, он все равно возвышался надо мной на полголовы.

— Садитесь, пожалуйста, — попросил Дэвид.

Я послушно опустилась в кресло, пока Уильям закрывал дверь.

Воздух дрогнул, когда он снял пиджак и повесил его на спинку стула. Затем с пронзительным скрипом придвинул соседний стул к моему. Сел и первым делом шумно выдохнул. Я заметила, что его взгляд прикован к моему стаканчику из «Старбакса».

— Как предсказуемо, — покачив головой, пробормотал он себе под нос с недоверчивой усмешкой.

Я оцепенела.

«Он что, осуждает меня за кофе из “Старбакса”?»

Ответить я не успела — Дэвид начал излагать Уильяму свой план, опустив такие важные детали, как повышение и грин-карта. Все это время я упорно смотрела на его очки. Забавно, как он говорил обо мне: отравленное яблоко в его устах превратилось в клубнику с шоколадом — устоять невозможно.

Когда Дэвид замолчал, в кабинете повисла тишина — ровно на три секунды. Я считала. Так же, как считала каждый вздох Уильяма с момента его появления: тринадцать.

— Нет, — отрезал он. — Я не нуждаюсь в помощи.

В каком-то смысле я могла его понять. Он в одночасье стал знаменитым, привык к восхищению и к работе в одиночку. Неудивительно, что слава ударила ему в голову. Я и раньше это подозревала, но его вчерашнее поведение на шоу и сегодняшний непререкаемый тон лишний раз подтверждали догадку.

Меня достали постоянное высокомерие, обращение «девочка» в мой адрес, необходимость все время держать язык за зубами, чтобы не потерять работу. Мне двадцать шесть. Я уже три года работаю в издательстве, прекрасно справляюсь со своими задачами и заслуживаю не меньшего уважения, чем другие. Но до сих пор находятся те — обычно старшие коллеги или писатели вроде него, — кто обращается со мной как со школьницей. То ли потому что я женщина, то ли потому что я молодая, то ли из-за всего вместе.

«Держи рот на замке, у тебя на кону грин-карта», — напомнила я себе.

— Уилл... — начал Дэвид.

— Мне не нужна помощь какой-то стажерки, Дэвид.

Я мгновенно выпрямилась в кресле.

Внутренний голос умолял промолчать, но слова рвались наружу.

— Я не стажерка. Я редактор, — решительно заявила я.

Меня так и подмывало принять такой же надменный вид, но на этот раз я смогла удержаться. И даже не назвала его придурком. Где моя медаль за самообладание?

Словно в замедленной съемке, Уильям повернул голову. Губы сжались в тонкую линию, а выражение лица ясно говорило: «Как ты посмела мне перечить?»

Не знаю, что тому виной — его близость или адреналин, все еще бежавший по венам, — но я не могла отвести от него взгляд.

И заметила две вещи.

Тени под его глазами залегли глубже, чем накануне, — наверное, из-за отсутствия грима.

А еще ни экран телевизора и ни одно фото не передавали цвет его глаз: что-то среднее между голубым и зеленым, а также частичная гетерохромия: почти треть радужки правого глаза была карего оттенка. Это открытие застало меня врасплох.

Прищурившись, Уильям бросил на меня едкий взгляд, а потом просто повернулся к моему начальнику, полностью меня проигнорировав.

— Дэвид, я не собираюсь играть в эти игры. — Уильям поднялся со стула, надевая пиджак. — Мне нужно писать книгу, а не тратить время на какую-то няньку.

Я сжала правый кулак под столом.

Взгляд начальника ясно говорил, что для моего же блага мне лучше промолчать.

— Слушай, Уилл, давай начистоту, — начал Дэвид. — Ты втянул издательство в неприятную историю, когда в прямом эфире

заявил, что твоя следующая книга будет лучше, чем у Даниэлы Стил. — За его примирительной улыбкой проскальзывал угрожающий тон, от которого у меня побежали мурашки. — Сегодня утром мне пришлось звонить ее агенту и извиняться от твоего имени, чтобы не подливать масла в огонь.

— Что-что ты сделал? — Ошарашенный Уильям снова опустился в кресло.

«Бедняжка. Привык, что его носят на руках, и даже не подозревает, что в реальном мире существует такое понятие, как извинения».

— Твое заявление вызвало ураган в СМИ. Думаю, ты не осознаешь, как сильно все испортил своим комментарием о читателях... Это пожар, который нужно срочно тушить. Люди в ярости... Так что изволь пойти навстречу. Рэйчел, — он указал на меня, — настоящий профессионал, прекрасно понимает интересы компании и сумеет выжать из твоего следующего романа максимум.

Краем глаза я заметила, как Уильям провел рукой по лицу.

— Уверен, вы отлично поладите и вместе выпустите великолепную книгу, которая, как ты вчера обещал, станет бестселлером, — закончил Дэвид непререкаемым тоном.

Уильям протяжно выдохнул.

«Возмущение, эпизод четырнадцать», — съязвила я про себя.

— Я знал, что ты поймешь, — сказал Дэвид.

— Как будто у меня есть выбор.

— Пришли Рэйчел все, что у тебя есть, как только сможешь, — попросил Дэвид, и Уильям кивнул. — Рэйчел, — начальник перевел взгляд на меня, — можешь возвращаться к своим делам.

Его слова ощущались как удар под дых.

Я поднялась.

— Дэвид. — Я кивнула ему, а потом обернулась к Уильяму и посмотрела сверху вниз: — Мистер Андерсон.

— Мисс Гарсия, — кивнул он в ответ. — Приятно было познакомиться.

— Взаимно, — фальшиво улыбнулась я, собирая вещи, а он ответил мне взглядом, в котором читалось откровенное сомнение.

Я вышла из кабинета, чувствуя, как все внутри кипит. Меня задело столько всего разом, что я даже не знала, на кого больше злюсь.

Оставив ноутбук на рабочем месте, я вернулась на кухню, размышляя над одним единственным словом.

СТАЖЕРКА.

Уильям Андерсон презрительно назвал меня «стажеркой». Его тон ясно давал понять, что стажеры недостойны дышать с ним одним воздухом.

«Гребаный диктатор».

Сколько усилий я приложила, чтобы оказаться там, где я есть... А теперь какой-то автор с замашками дивы позволил себе так со мной обращаться.

Три года назад я начала свой путь в издательстве в роли стажерки и нисколько этого не стыдилась. Стажеры работали не меньше, а то и больше других, но при этом не имели права голоса. Никакого признания, а вишенкой на торте — унылые задачи, которые надо было на кого-то скинуть. Так что одно время я приносила кофе Дэвиду.

Когда два года назад меня повысили до ассистента редактора, я наконец получила право открывать рот на совещаниях. Теперь же я надеялась, что следующее повышение, до полноценного редактора, даст мне признание за ту работу, которую Дэвид нередко приписывал себе. Последние книги я редактировала сама, все шло отлично, и вот теперь, по воле драматического поворота судьбы, я снова оказалась под его пяткой.

Жизнь несправедлива.

У меня и без того дел невпроворот, а тут еще мне подсунули Андерсона. Этот тип за пару минут дал понять, что он сноб, который не желает со мной работать, а еще осуждает меня за кофе из «Старбакса».

Я вошла на кухню, не глядя по сторонам, и вылила остатки из стакана в раковину. И только потом заметила, что мои подруги все еще сидят там же, где я их оставила.

— Ты что творишь? — с тревогой спросила Грейс. — Почему выбрасываешь свой любимый шестидолларовый кофе в помойку?

— Что случилось? — обеспокоенно вторила Судзу.

— Мне нужен апероль. Или пиво... Хотя что-нибудь, — отчеканила я, открывая холодильник. И разочарованно вздохнула, увидев внутри только соки и комбучу.

— Дорогая, еще только половина десятого. И мы, между прочим, на работе, — напомнила Грейс за моей спиной. — Алкоголя тут нет.

Я пару секунд смотрела на пустой стакан, потом бросила его в мусорку и решительно подошла к кофемашине. Выбрала капучино и поморщилась, почувствовав запах этой черной дымящейся жижи.

— Ты же не собираешься пить эту отраву, правда? — спросила Судзу. — Этот кофе даже крысы в метро не тронут.

Я сделала глоток, и меня чуть не стошнило.

Мерзость.

— Дай сюда, — сказала Грейс, выхватывая стакан и швыряя его в мусорку. Потом достала кружку из шкафа, налила туда половину своего фраппучино и протянула мне.

Я сделала глоток и вздохнула.

Как же я обожала кофе из «Старбакса»!

И это факт.

И я не собиралась ни стыдиться этого, ни извиняться.

— После работы можем сходить на счастливые часы в «Вива Верде», — предложила я. — Мне срочно требуется «маргарита».

На кухню зашли несколько коллег, и я замолчала. Мы поздоровались, и я увела подруг в туалет. Убедившись, что внутри никого нет, я призналась:

— Дэвид предложил мне должность редактора и грин-карту, если я стану его помощницей в редакции новой книги Андерсона. И — внимание — этот придурок Уильям только что назвал меня стажеркой прямо при Дэвиде. Так что да, мне нужна «маргарита», чтобы выплеснуть эмоции.

— Подожди. — На лице Судзу читалось удивление. — Ты сказала... грин-карта?

Я кивнула, и Грейс пискнула от восторга.

— Конечно мы идем на счастливые часы! Но для того, чтобы отпраздновать твою грин-карту! — воскликнула она.

— Рэйчел, грин-карта... — повторила Судзу.

— Знаю, — кивнула я, и на моем лице промелькнула улыбка.

Когда они обе кинулись меня обнимать, раздражение отступило на задний план. Пусть мне придется общаться с Андерсоном. Главное — что я стала на шаг ближе к тому, о чем мечтала годами.

2

АССИСТЕНТКА (сущ.). Человек, от которого мне нужно избавиться любой ценой.

— Хотите что-нибудь выпить, мистер Андерсон? — Голос бортпроводницы вырвал меня из раздумий.

Конечно, можно было заказать двойной виски со льдом и потягивать его, пока пассажиры эконом-класса заканчивают посадку, но я хотел поработать над рукописью на свежую голову. Поэтому ограничился коротким:

— Бутылку воды, пожалуйста.

Женщина одарила меня вежливой улыбкой, кивнула и ушла. Оставшись в одиночестве, я снова опустил взгляд на экран телефона и перечитал свежее письмо.

От: rgarcia@evermorepublishers.com

Кому: william@anderson.com

Дата: 16 января, 13:32

Тема: Новый издательский проект

Добрый день, мистер Андерсон!

Как вам уже сообщил сегодня утром Дэвид, с этого дня я ваш новый ассистент редактора.

С нетерпением жду начала работы с вами.
Если вам удобно, можем встретиться на этой неделе,
чтобы вы рассказали, о чем ваша новая книга и когда вы
планируете ее сдать.
Жду вашего ответа.

С уважением,
Рэйчел Гарсия,
ассистент редактора издательства «Эвермор Паблишерс»

Я раздраженно выдохнул: я покинул издательство всего два
часа назад. Неужели мисс Гарсия не могла подождать хотя бы
до завтра, прежде чем мне написать?

И что это за «с нетерпением жду начала работы с вами»?

Она что, забыла, что я видел ее кислую физиономию в каби-
нете Дэвида?

Желания сотрудничать у нее было ровно столько же, сколько
у меня. Пока Дэвид внушал мне, что ради блага книги и издатель-
ства мне требуется помощь мисс Гарсия, она без конца крутила
свою подвеску. Все это тяготило ее не меньше, чем меня.

Я откинулся в кресле кабины первого класса. Как обычно,
это было последнее одиночное место с правой стороны. Едва
я потянулся откинуть столик, как бортпроводница уже верну-
лась — с салфеткой, стаканом со льдом и бутылкой воды.

— Хотите газету?

— Нет, спасибо.

Вежливо улыбнувшись, она отошла.

Я уже видел утренние новости и парочку отвратительных
заголовков:

«Знаменитый писатель Уильям Андерсон оскорбил чита-
телей заявлением: “Не все умеют наслаждаться хорошей кни-
гой”».

«Уильям Андерсон утверждает, что его новая книга пре-
взойдет творчество Даниэлы Стил».

«Андерсон о читателях: “Они сами себя выставляют идиотами”».

Я по-прежнему не понимал, почему все набросились на мою книгу. Это был бестселлер — цифры продаж тому подтверждение. Если кто-то не умеет ценить искусство, это не моя вина.

Конечно, я зря заявил, будто мой следующий роман поднимет меня на вершину жанра любовной прозы, потому что мне не хватало главного:

ЭТОЙ ДУРАЦКОЙ РОМАНТИЧЕСКОЙ ЛИНИИ.

В этот момент мне пришли сообщения от брата:

Только что вышел из больницы и увидел,
что ты устроил

Не верь маме, ты выставил себя полным
придурком по телику! 🤪

Кстати, видел офигенный мем — белому
ходоку прифотошопили твое лицо

Отвали, Зак

А следом я допустил еще одну ошибку — зашел в инстаграм*. Там висели сотни непрочитанных сообщений, почти все они сводились к одному: «Думаешь, мы будем покупать твои книги после того, как ты нас оскорбил?» — и сопровождались нецензурными выражениями.

Разумеется, не обошлось и без прямо противоположных комментариев: «Никто не понял твою книгу, а она гениальна. Уилл, тебе всегда найдется место на моей книжной полке... и в моей постели тоже».

Закрыв инстаграм, я сделал большой глоток воды.

Кажется, я зря отказался от виски.

* Деятельность продуктов компании Meta запрещена на территории РФ.

К тошноте от комментариев в сети примешивалось раздражение от письма мисс Гарсиа.

Работать с ассистентом редактора!

Мне.

Я всегда все писал сам.

Дэвид никогда не лез в мои тексты. Мои книги почти не нуждались ни в правках, ни в редактуре. За семь лет я опубликовал кучу романов, и все шло просто отлично. С чего вдруг теперь я должен менять свой метод работы?

Несколько часов назад, увидев мисс Гарсиа в кабинете Дэвида, я на секунду загнулся на полуслове. Ее лицо показалось смутно знакомым, но я так и не смог вспомнить — откуда. Наверное, просто пересекался с ней когда-то в издательстве.

Я невольно осмотрел ее с головы до ног. Девушка излучала естественность. Привлекательное лицо, карие глаза — чуть светлее копны темных волос. Минимум макияжа, ярко-розовый пиджак, явно недорогой.

Дождь слегка завил кончики ее волос, спускающихся до груди, на шее висела подвеска в форме сердца, и у нее был теплый, мягкий голос, когда она поздоровалась со мной.

А потом я заметил стаканчик из «Старбакса» в ее руке и наклейку «крутая редакторка» на ноутбуке — и понял, что передо мной просто ходячее клише. Вот только такой типичной отличницы мне и не хватало. Поэтому я без раздумий отверг идею Дэвида и бросил первое, что пришло в голову: «Мне не нужна помощь какой-то стажерки».

Кажется, мой комментарий ее задел.

Решимость в ее взгляде застала меня врасплох, но не испугала.

Когда мисс Гарсиа ушла, Дэвид тут же принялся расхваливать ее достоинства: мол, она вывела кучу любовных романов в топ продаж. Я рад за нее. Судя по всему, она настоящий профессионал и дает ценные рекомендации тем, кто в этом нуждается, — только это не мой случай.

Я со вздохом разблокировал телефон, чтобы ответить на письмо, пока мы не взлетели.

От: william@anderson.com

Кому: rgarcia@evermorepublishers.com

Дата: 16 января, 13:41

Тема: Re: Новый издательский проект

Добрый день, мисс Гарсиа.

С сожалением сообщаю, что не смогу прийти в издательство, так как только что сел на рейс до Калифорнии.

Я не планирую возвращаться в Манхэттен в ближайшие несколько месяцев.

Хорошего вам дня!

С уважением,

Уильям Андерсон

Отправив письмо, я включил авиарежим. Мне не терпелось вернуться домой, в мою крепость, отключиться от мира и сосредоточиться на книге.

Приземлившись шесть часов спустя, я пошел по указателям на пересадку. Оставался час до рейса из Сан-Франциско в Монтерей. Я включил мобильный интернет и обнаружил еще одно письмо.

От: rgarcia@evermorepublishers.com

Кому: william@anderson.com

Дата: 16 января, 14:02

Тема: Re: Re: Новый издательский проект

Добрый день еще раз, мистер Андерсон.

Не беспокойтесь из-за того, что вы не в Манхэттене.